

Лукач и Беньямин: две версии исторического материализма

ВАЛЕРИЙ ЛУКОЯНОВ

Доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права, факультет гуманитарных наук. E-mail: valeo23@mail.ru.

ЕКАТЕРИНА ШЕРИХОВА

Студентка магистратуры кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права, факультет гуманитарных наук. E-mail: katerina_sheka@mail.ru.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (НГПУ). Адрес: 603002, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

Ключевые слова: неомарксизм; произведения искусства; исторический материализм; теория истории; капиталистическое общество; пролетариат.

В статье на примере опыта Вальтера Беньямина и Дьёрдя Лукача рассматривается проблема восприятия советской действительности периода паломничества в «красную» Москву философов марксистского толка. Авторы предпринимают попытку сравнительного анализа теоретических позиций двух мыслителей по вопросу сущности исторического материализма и его функций в историческом процессе. Путешествие философов в столицу советского государства, равно как и их творчество, хорошо исследовано в зарубежной и отечественной историографии, однако сравнение Беньямина и Лукача по выбранным параметрам еще не получило широкого распространения.

Авторы останавливаются на основных эпизодах московской жизни неомарксистов и указывают на главный мотив скорого отъезда Беньямина, который, в свою очередь, послужил причиной долгого пребывания Лукача в столице: философы видели две раз-

ные Москвы. Если Беньямин оказался в СССР в эпоху расцвета нэпа, то Лукач — во время окончательного свертывания этой политики. Рассмотрены интерпретации понятия «исторический материализм» обоими авторами, на основании чего сделан вывод: для Лукача исторический материализм был прежде всего методом изучения истории общества, главным образом капиталистического, отсюда его связь с насущными потребностями пролетариата, изменение которых ведет к изменению функции истмата, но никогда не прерывает исторического развития. Беньямин тоже воспринимает исторический материализм как своеобразный метод, призванный, однако, разорвать исторический континуум и высвободить подлинный образ прошлого, воплощенный в материальных вещах. Авторы приходят к выводу, что, хотя Беньямин и Лукач принадлежали к одному поколению неомарксистов, в их версиях исторического материализма больше различий, чем сходств.

В ОТЛИЧИЕ от физического времени, которое обладает равномерной длительностью, время историческое имеет присущую только ему характеристику — изменчивость. В эпоху стагнации, стабильности время растягивается настолько, что можно подумать, оно замирает; но в эпоху революционных событий время максимально сжимается, а переживающим это людям начинает казаться, что все далекие идеалы, считавшиеся неосуществимыми, становятся доступными. Такому поколению присуща вера — или, скорее, ожидание того, что вот-вот случится нечто грандиозное. К эпохе свершений относятся 1920-е годы. Коммунистическим идеям сочувствовали в разных странах мира, но именно «красная» Москва стала местом паломничества философов марксистского толка. В числе прочих столицу советского государства посетили Вальтер Беньямин и Дьёрдь Лукач, разумеется, в разное время и отдельно друг от друга. И если Лукач провел в СССР в общей сложности около 14 лет, то Беньямин покинул страну по истечении трех месяцев. Нам представляется интересным проследить причины, объясняющие столь разные реакции, разные впечатления от страны, пытающейся реализовать на практике марксистско-ленинскую теорию.

Вальтер Беньямин в декабре 1926 года, на момент путешествия в Москву, только начинал знакомство с марксистской теорией. Говоря о причинах поездки, его друг — Гершом Шолем — писал:

Три момента были значимы для поездки Беньямина в Москву. В первую очередь — его страсть к Асе Лацис, затем — желание поближе познакомиться с ситуацией в России... и в связи с этим принять решение о том, вступать ли ему в Коммунистическую партию Германии... Наконец... еще до поездки получил задания от редакций... составить некий «портрет» Москвы¹.

Нам кажется уместным добавить еще одну причину: собственные поиски Беньямина велись в области искусства. Немецкий фило-

1. Шолем Г. Предисловие // Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; предисл. Г. Шолема; общ. ред. и послесл. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 8.

соф задался целью найти формы искусства, присущие новому социуму. Трудно представить страну, более подходящую для реализации поставленной цели, чем СССР. Свое путешествие Вальтер Беньямин по дням фиксировал в дневнике, проанализировав который мы постараемся ответить на вопрос, насколько советская реальность оправдала ожидания философа.

Беньямин изучал советскую действительность через прогулки по центральным улицам Москвы, через разговоры с деятелями искусства и главным образом — через театр. Он посещал современные постановки в знаменитых пролетарских театрах Мейерхольда, Станиславского, Вахтангова, Театре Революции и других. Однако спектакли редко получали одобрение немецкого философа. В качестве примера можно вспомнить его реплику по поводу «Дней Турбиных»:

В особенности последний акт, в котором происходит «обращение» белогвардейцев в большевиков, столь же безвкусен с точки зрения драматического действия, сколь и лжив по идее².

А если похвала все же случалась, свой восторг ему было не с кем разделить:

Аплодисменты в театре были жидкими. <...> такие вещи, по-видимому, связаны с господствующей здесь общей осторожностью при открытом выражении мнения³.

Гость многого ждал от московского театрального мира, но увидел нечто иное — буржуазный театр лишь с отдельными пролетарскими нотами. Все, что поражает Беньямина в Москве, все, о чем он пишет с большой заинтересованностью, так или иначе связано с историческим наследием русского народа и уходит своими корнями еще в царские времена, но никак не относится к советскому периоду. К примеру, Кустарный музей, о котором он говорит: «Я увидел там такое большое собрание елочных украшений, какого не встречал нигде»⁴. Новые формы искусства оказались менее перспективными, чем ожидал Беньямин. Вполне уместен вопрос: а как открытые им формы соотносятся с новым социумом? В новом обществе должны жить новые люди. Портрет человека эпохи

2. Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; предисл. Г. Шолема. М.: Ad Marginem, 2012. С. 36.

3. Там же. С. 50.

4. Там же. С. 61.

наступающего коммунизма вырисовывается на глазах Бенямина, а тот успевает фиксировать его черты. Во-первых, этот человек отличается «коммунистическим высокомерием»⁵. Во-вторых, такого человека трудно отнести к интеллектуальной среде:

Чтобы противостоять катастрофической необразованности, выдвинут лозунг, согласно которому необходимо распространять знание русской и западноевропейской классики. <...> Насколько этот лозунг отражает необходимость, становится ясно, когда слышишь, как недавно в одной из дискуссий Либединский заявил Райху относительно Шекспира, будто тот жил еще до изобретения книгопечатания⁶.

Но неглубокие познания обывателей — лишь часть катастрофичной ситуации, застигнутой Бенямином: куда страшнее отсутствие у партии в лице бюрократии даже не политической культуры, а элементарного уровня культуры как таковой:

Такой человек, как Вальцель, избран членом академии, а в «Вечерней Москве» Коган, ее председатель, публикует статью о западной литературе, в которой без всякого понимания слепо вместе что попало и которая с помощью нескольких имен пытается сообщить некую «информацию» о загранице⁷.

Бенямин сталкивался в Москве не только с простыми горожанами или партийными работниками, но, разумеется, и с интеллигенцией. Всю полноту восприятия немецким философом положения и образа жизни советской интеллигенции осветил в своей монографии Дмитрий Смирнов⁸. Интересно, что Бенямин так и не вступил в коммунистическую партию — остался тем, кого принято называть «сочувствующий». Советская Москва не упрочила в нем идею возможности установления общества равных, а наоборот, доказала ее неосуществимость.

Когда Дьёрдь Лукач отправился в Москву, он состоял в Коммунистической партии Венгрии уже около 10 лет и обладал определенным авторитетом. Так, Агнесса Кун, главный эксперт по вен-

5. Там же. С. 86.

6. Там же.

7. Там же. С. 87.

8. *Смирнов Д. А.* Критика как метод жить и думать: Вальтер Бенямин в европейском интеллектуальном пространстве 1920–1930-х гг. Иваново: Ивановский государственный университет, 2011.

герской культуре в Москве, в записке Всесоюзному обществу культурных связей с границей сообщала:

Лукач особенно завоевал уважение и пустил корни в реальную почву венгерской культуры, его вряд ли могут считать просто перелетной птицей, которая наспех свила гнездо, выпустила быстренько свои книги, заняла ветку и теперь чирикает. Нет, Лукач за это время сумел занять свое собственное место, сумел создать себе имя, с ним считаются как с крупнейшим теоретиком марксистского течения в Венгрии⁹.

Особый интерес для молодого Лукача, как и для Беньямина, представляла область искусства. Еще одной причиной переезда философа в Москву стало его решение отойти от политики ввиду определенных неудач. В Красной Москве Лукач не сразу нашел свое место, но в итоге занял интеллектуальную нишу, обосновавшись в кабинете Маркса в Институте Маркса и Энгельса. Но столица видела в венгерском коммунисте уклониста от идей ортодоксального марксизма, поэтому идеологические структуры коммунистической партии неустанно следили за его творчеством.

Почему Беньямин разочаровался и покинул страну, а Лукач остался и обрел собственное место? Вальтер Беньямин провел в столице зиму 1926/1927 годов — расцвет эпохи нэпа. Он увидел город, живущий не по коммунистическим, а по буржуазным принципам, что и фиксировал в своем дневнике, называя происходящее реставрацией¹⁰. Георгий Осипович же — а именно так именовали Лукача в московский период — прибыл в СССР в момент сворачивания этой политики, на заре коллективизации, индустриализации и становления культа личности Сталина. Вот и ответ: Беньямин и Лукач видели две разные Москвы.

Взгляды двух представителей неомарксизма расходятся не только в вопросе восприятия советской действительности, но и в определении исторического материализма — центрального понятия марксистской теории.

Маркс характеризовал исторический материализм как историческую науку. Человеческая история рассматривается им как процесс творения человеком самого себя при прохождении через стадию отчуждения. В этом процессе решающую роль играет труд,

9. *Стыкалин А.* Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 91. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/st7.html>.

10. *Беньямин В.* Московский дневник. С. 87.

форма которого зависит от того или иного способа производства, определяемого развитием производительных сил. В ходе истории средства и методы производства совершенствуются, производительные силы развиваются, а затем, когда они достигают пика своего развития, определяющегося производственными отношениями, вступают с последними в конфликт, чтобы иметь возможность дальнейшего развития. Создавшийся конфликт разрешается с помощью революции, после чего устанавливаются новые производственные отношения. Таким образом, происходит смена социально-экономических формаций, в каждой из которых есть класс людей, являющийся носителем общественного процесса¹¹. В XX веке новое поколение мыслителей стало по-новому понимать идеи Маркса, трансформировать их.

Дьёрдь Лукач часто обращался в своих философских рассуждениях к проблеме исторического материализма. В работе «Изменение функций исторического материализма» (1919) он определяет данное понятие как научный метод,

...с помощью которого пытались понять события прошлого в соответствии с их истинной сутью. Однако, в противоположность историческим методам буржуазии, он позволяет нам также под углом зрения истории, то есть научно, рассматривать современность, видеть в ней не только поверхностные явления, а также те глубинные исторические движущие силы, которыми в действительности приводятся в движение события¹².

Исторический материализм призван показать истинную сущность того или иного события, очистив его от интерпретации буржуазной историографии. Именно поэтому исторический материализм также является важнейшим инструментом борьбы, в первую очередь за общественное сознание. В эпоху борьбы пролетариата

...благодарнейшая функция исторического материализма состояла не в том, что он был чистым научным познанием, а в том, что он был делом¹³.

11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. М.: Политиздат, 1959. 2-е изд. Т. 13.

12. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 304.

13. Там же. С. 305.

Представленные функции лишь на первый взгляд имеют противоположную направленность. Лукач уверен, что нельзя рассматривать исторический материализм только как метод или только как оружие, ведь

...сущность пролетарской классовой борьбы можно свести именно к тому, что для нее теория и практики совпадают, что познание здесь непосредственно ведет к деятельности¹⁴.

В связи с этим уместным будет упомянуть о фундаментальной категории тотальности у Лукача, суть которой сводится к следующей формуле: «Конкретно изучать общество — это значит сообразовываться с обществом как целым»¹⁵. Такая целостность, по мысли Лукача, достигается только в капиталистическом обществе¹⁶. Еще Маркс и Энгельс отмечали, что применение исторического материализма вне рамок капитализма затруднительно из-за определенных структурных различий. Лукач в главе «Изменение функций исторического материализма» в «Истории и классовом сознании» пишет, что марксизм подходит только для капиталистического общества как раз потому, что если самосознание общества, за которое ведется борьба с помощью исторического материализма, равносильно возможности руководства обществом, то

...стало быть, исторический материализм является такой же функцией развития и разложения капиталистического общества, как все прочие идеологии¹⁷.

И далее:

Исторический материализм в своей классической форме (которая, к сожалению, вошла в общественное сознание вульгаризированной) означает *самопознание капиталистического общества*¹⁸.

14. Там же.

15. Там же. С. 149.

16. *Лукоянов В. В., Николаи Ф. В.* Понятие «исторический материализм» в философско-исторической концепции Г. Лукача // *Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного. XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Сергея Архангельского. 15–17 апреля 2009 г.* Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2009. Ч. 1. С. 76.

17. *Лукач Г.* Указ. соч. С. 308.

18. Там же.

Свою мысль философ развивает в эссе «Ленин. Очерк о взаимосвязи его идей», представляя исторический материализм как теорию пролетарской революции, которая осуществима только в рамках капиталистической формации:

Он является таковым, поскольку его сущность состоит в концентрированном идейном выражении того общественного бытия, которое порождает пролетариат и которое определяет все его бытие; он является таковым, поскольку борющийся за освобождение пролетариат обретает в нем свое ясное самосознание¹⁹.

Лукач твердо следует методу материалистической диалектики Маркса; именно поэтому его исторический материализм и есть революция, которая, свершившись, перестает существовать в режиме реального времени. Исторический материализм, по мысли Лукача, воплощается в насущных желаниях и потребностях пролетариата. Концепция истории у Лукача выступает продолжением гегелевской традиции, трактуя историю как непрерывный процесс. В статье «Проблема духовного лидерства», дополняющей теоретику «Истории и классового сознания», он рассуждает:

Маркс воспринял без изменений величайшее наследие гегелевской философии: идею развития в том ее понимании, что дух, исходя из полной бессознательности, развивается как некое единство вплоть до ясного самосознания. Лишь пошлость и философское невежество его последователей могли завуалировать эту великую мысль. Маркс не только воспринял теорию развития Гегеля, но также существенно ее модифицировал своею критикой. Но такая модификация происходила не только там, где ее наличие предполагают вульгарные марксисты, а именно путем простой замены «идеализма» «материализмом» (это всего лишь фразы), а, напротив, выливалась в существенное углубление гегелевской идеи²⁰.

Таким образом, классовое сознание пролетариата у Лукача соотносится с гегелевским понятием «являющееся сознание». В свете этого его решение остаться в Москве становится еще понят-

19. *Он же*. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Международные отношения, 1990. С. 53.

20. *Земляной С.* История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контексте XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. С. 32.

нее, ведь жизнь в советской столице вписывалась в его концепцию истории.

Понятие истории у Вальтера Беньямина разнится с лукачевской концепцией. Так, история являет собой не непрерывное развитие, а наоборот — неприменный разрыв, который и выступает ее основным содержанием. Настоящее воспринимается Беньямином не как вечный переход, а как остановка во времени²¹. Философ старается выработать такое понятие истории, которое соответствовало бы правилу: любое чрезвычайное положение, которое переживает угнетенный класс, является не исключением, а закономерной традицией²². Следуя такой логике, Вальтер Беньямин открывает, что «культурные ценности не свободны от варварства», так как наследие, формируемое ими, «обязано своим существованием не только усилиям великих гениев, создававших его, но и подневольному труду их безымянных современников»²³. Соответственно, и рассуждение об историческом материализме у Беньямина развивается в иной, отличной от интерпретации Лукача логике. Задача исторического материалиста, по мысли Беньямина, заключается в том, чтобы разорвать исторический континуум, освободить образ прошлого, зафиксировать его «таким, каким он неожиданно предстает историческому субъекту в момент опасности»²⁴. Исторический материализм не связан у Беньямина с нуждами пролетариата. Изучение истории сосредоточивается на действительно материальных вещах — детских игрушках, шкапулах, рынках, площадях. Эта идея в зародыше прослеживается уже в «Московском дневнике»:

Правда, похоже, что безразличие к одежде начинает отступать. Из униформы господствующего класса оно начинает превращаться в признак слабого в борьбе за существование. В театрах робко появляются — словно голубь Ноя после многих недель потопа — первые туалеты. Однако все еще много стандартного, пролетарского во внешнем виде: похоже, что западноевропейская форма головного убора, мягкая или твердая шляпа, совершенно исчезла. Носят или русские меховые шапки, или спортивные шапочки, которые девушки часто носят в изящном, но провоцирующем варианте (с длинным козырьком). Обычно

21. Ромашко С. Раздуть в прошлом искру надежды...: Вальтер Беньямин и преодоление // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 71–80.

22. Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

23. Там же. С. 83.

24. Там же. С. 82.

их не снимают в общественных местах, да и вообще формы приветствия стали проще²⁵.

Так, через описание, изучение вещи раскрывается подлинная история. Более плодотворное развитие мысль получает в прозе «Берлинское детство на рубеже веков». Одним из первых исследователей этого автобиографического текста в отечественной историографии является Евгений Павлов, сосредоточивший изучение материала на проблеме памяти²⁶. Нас же интересует в логике Беньямина присущая ей тенденция сведения в единый образ целого явления, перенесение характеристик большого или даже необъятного понятия на малую часть его проявления.

У мамы была брошь овальной формы. И очень большая — носить ее на груди было невозможно, поэтому мама всегда прикрепляла это украшение к поясу. <...> В ту важную минуту, когда мама доставала украшение из шкатулки, являлось его двойное могущество. Ибо эта брошь воплощала в моих глазах общество, которому на самом деле сидеть бы скромненько на мамином поясе, но в то же время она была талисманом, оберегавшим маму от всего, что могло угрожать ей вне дома²⁷.

Созвучные идеи представлены и в работе «Краткая история фотографии», посвященной не столько техническому новшеству, столько новой форме искусства. Нам кажется уместным сравнить фотографию с «разрывом в истории», ведь она не что иное, как выхваченный из непрерывного течения жизни момент. Беньямин так описывает первые фотографии:

Снимки Даггера представляли собой йодированные серебряные пластинки, экспонированные в *camera obscura*; их приходилось поворачивать, пока под определенным углом не удавалось увидеть нежно-серую картинку²⁸.

25. Он же. Московский дневник. С. 114–115.

26. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама / Авториз. пер. с англ. А. Скидана. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

27. Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков / Пер. с нем. Г. В. Снежинской, под науч. ред. А. В. Белобратова. М.: Ad Marginem (серия «Библиотека журнала „Логос“»). 2012. С. 103.

28. Он же. Краткая история фотографии / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 2013. С. 9.

Фото — это воплощенный химически отпечаток света, то есть его материализация в образе фигур. Фотографический кадр — это тоже своего рода «разрыв», ведь он представляет собой выхваченный из реальности момент. Такое восприятие фотографии у Бенямина укладывается в его концепцию как некая материализованная форма самого исторического процесса.

Таким образом, для Лукача исторический материализм выступает прежде всего как метод изучения истории капиталистического общества. Отсюда и его связь с насущными потребностями пролетариата, изменение которых приводит к изменению функции истмата, но никогда не прерывает исторического развития. В определенной степени Бенямин тоже воспринимает исторический материализм как своеобразный метод, призванный совершить «разрыв» исторического континуума для освобождения подлинного образа прошлого, носителем которого выступают материальные вещи. Лутц Нойбер полагает, что говорить об «историческом материализме» у Бенямина и вовсе не приходится, так как за этой формулой нет предполагаемого смысла: философ пишет свои работы не исходя из сугубо материалистических черт и выступает против принципа историзма²⁹. Итак, мы уверенно можем заявить: несмотря на то что Дьёрдь Лукач и Вальтер Бенямин принадлежали к одному поколению неомарксистов, их интерпретации исторического материализма, равно как и восприятие истории, имеют, несомненно, больше различий, чем сходных черт.

Библиография

- Бенямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ad Marginem, 2012.
- Бенямин В. Краткая история фотографии. М.: Ad Marginem, 2013.
- Бенямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2012.
- Бенямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.
- Земляной С. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контексте XXI века // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Лукач Г. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Международные отношения, 1990.
- Лукоянов В. В., Николаи Ф. В. Понятие «исторический материализм» в философско-исторической концепции Г. Лукача // Время, событие, историче-

29. Нойбер Л. Разорвать непрерывность истории / Пер. с нем. В. В. Дамье // Самиздат. 05.09.2002. URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/benjamin.shtml.

- ский опыт в дискурсе современного. XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Сергея Архангельского. 15–17 апреля 2009 г. Ч. 1. Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2009.
- Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Они же. Собр. соч. Т. 13. М.: Политиздат, 1959.
- Нойбер Л. Разорвать непрерывность истории // Самиздат. 05.09.2002. URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/benyamin.shtml.
- Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ромашко С. Раздуть в прошлом искру надежды...: Вальтер Беньямин и преодоление // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 71–80.
- Смирнов Д. А. Критика как метод жить и думать: Вальтер Беньямин в европейском интеллектуальном пространстве 1920–1930-х гг. Иваново: Ивановский государственный университет, 2011.
- Стыкалин А. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/st7.html>.
- Шолем Г. Предисловие // Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997.

LUKÁCS AND BENJAMIN: TWO VERSIONS OF HISTORICAL MATERIALISM

VALERY LUKOJANOV. Associate Professor of Department of World History, Classics and Law, Faculty of Humanities, valeo23@mail.ru.

EKATERINA SHERIKHOVA. MA student of Department of World History, Classics and Law, Faculty of Humanities, katerina_sheka@mail.ru.

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (NNSPU), 1 Ulyanova str., Nizhny Novgorod 603950, Russia.

Keywords: Neo-Marxism; works of art; historical materialism; the theory of the history; capitalist society; the proletariat.

The problem of different perceptions of Soviet reality is investigated by analyzing the experiences of Walter Benjamin and György Lukács in the context of the epoch of pilgrimage in the “red” Moscow of Marxist philosophers. Furthermore, an attempt to analyze the two authors’ conceptions of historical materialism is undertaken. The two philosophers’ journey through the capital of the Soviet State, as well as their scientific activities, is well-studied in foreign and domestic historiography. However, this specific comparison of Benjamin and Lukács, within the chosen parameters, has not yet been paid due attention.

Over the course of the research, episodes of the two Marxists’ life in Moscow are considered, revealing the main reason for both Walter Benjamin’s speedy departure and the cause for Lukács’ long stay in the capital: the philosophers saw two different Moscovs. Benjamin was in the USSR during the heyday of the New Economic Policy, while Lukács witnessed its eclipse. An investigation of the different conceptions of historical materialism in the works of both authors is used to conclude that, for Lukács, historical materialism serves primarily as a method for studying the history of capitalist society. This explains the author’s concern with the real needs of the proletariat: a change in these needs leads to a change of the functions of historical materialism, yet never interrupts historical development. To some extent, Benjamin also perceives historical materialism as a kind of method designed to rupture the historical continuum in order to release the genuine image of the past. Material things are the carriers of this image. On the basis of the foregoing, the position is substantiated: despite the fact that Benjamin and Lukács belong to the same generation of Neo-Marxists, their versions of historical materialism have more differences than similarities.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-1-143-154

References

- Benjamin W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov* [Berliner Kindheit um neunzehnhundert], Moscow, Ad Marginem, 2012.
- Benjamin W. *Kratkaia istoriia fotografii* [Kleine Geschichte der Photographie], Moscow, Ad Marginem, 2013.
- Benjamin W. *Moskovskii dnevnik* [Moskauer Tagebuch], Moscow, Ad Marginem, 2014.
- Benjamin W. O poniatii istorii [Über den Begriff der Geschichte]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2000, no. 46, pp. 81–90.
- Lukács G. *Istoriia i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [Geschichte und Klassenbewußtsein: Studien über marxistische Dialektik], Moscow, Logos-Alter, 2003.

- Lukács G. *Lenin. Issledovatel'skii ocherk o vzaimosviasi ego idei* [Lenin. Studie über den Zusammenhang seiner Gedanken], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1990.
- Lukoianov V. V., Nikolai F. V. Poniatie "istoricheskii materializm" v filosofsko-istoricheskoi kontseptsii G. Lukacha [Notion of "Historical Materialism" in Philosophical-Historical Conception of G. Lukács]. *Vremia, sobytie, istoricheskii opyt v diskurse sovremennogo. XVI chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Sergeia Arkhangel'skogo. 15–17 apreliia 2009 g. Ch. 1* [Time, Event, Historical Experience in the Discourse of Contemporary. XVI Readings in Memory of AS USSR Corresponding Member Sergei Arkhangel'sky. April 15–17, 2009. Part One], Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2009.
- Marx K., Engels F. K kritike politicheskoi ekonomii [Zur Kritik der politischen Ökonomie]. *Sobr. soch. T. 13* [Collected Works. Vol. 13], Moscow, Politizdat, 1959.
- Noiber L. Razorvat' nepreryvnost' istorii [To Disrupt History's Continuity]. *Samizdat*, September 5, 2002. Available at: http://samlib.ru/m/magid_m_n/benyamin.shtml.
- Pavlov E. *Shok pamiati. Avtobiograficheskaia poetika Val'tera Ben'iamina i Osipa Mandel'shtama* [A Shock of Memory. Autobiographical Poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelshtam], Moscow, New Literary Observer, 2014.
- Romashko S. Razdut' v proshlom iskru nadezhdy...: Val'ter Ben'iamin i preodolenie [Kindle in Past into Flame of Hope...: Walter Benjamin and Overcoming]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2000, no. 46, pp. 71–80.
- Scholem G. Predislovie [Foreword]. In: Benjamin W. *Moskovskii dnevnik* [Moskauer Tagebuch], Moscow, Ad Marginem, 2014.
- Smirnov D. A. *Kritika kak metod zhit' i dumat': Val'ter Ben'iamin v evropeiskom intelektual'nom prostranstve 1920–1930-kh gg.* [Critique as the Method of Living and Thinking: Walter Benjamin in European Intellectual Space of 1920–1930s], Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2011.
- Stykalin A. *Derd' Lukach kak literaturoved, filosof i politik: vzgliad iz Moskvyy v 1940–1970-e gody* [György Lukács as Literary Criticist, Philosopher and Politician: A View from Moscow to 1940–1970s]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2009, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/st7.html>.
- Zemlianoi C. *Istoriia, soznanie, dialektika. Filosofsko-politicheskaiia mysl' molodogo Lukacha v kontekste XXI veka* [History, Consciousness, Dialectics. Philosophical-Political Thought of Young Lukács in the Context of XXI century]. In: Lukács G. *Istoriia i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [Geschichte und Klassenbewußtsein: Studien über marxistische Dialektik], Moscow, Logos-Altera, 2003.